

Шутники

АЗИЗ НЕСИН

Турция

Рисунки Е. Шукеева

ЖИЗНЬ горька, господа. Жизнь — тернистый путь. Жизнь... У меня есть три целиком исписанные тетради. Я заносил в них философские мысли, собрав около 16 тысяч высокопарных изречений о жизни: жизнь — это то-то, жизнь такая, жизнь этакая. «Жить — значит страдать», «Жизнь — крутой и трудный подъем», «Жизнь — быстротекущая река», «Жизнь — театральная сцена».

На последней странице последней тетради я написал: «Что же такое жизнь?»

Да, вот так... Жизнь горька, ох горька, господа. Я вам все расскажу, и вы сами решите, горька или нет жизнь.

Я болтался без дела, и не потому, что проматывал чье-нибудь наследство, а потому, что не мог найти работу. Вот уже два дня я питался водой и свежим воздухом. Я сидел в парке и размышлял о жизни. Когда сидевший рядом мужчина, просмотрев газету, сложил ее в несколько раз и начал засовывать в карман, я спросил: «Не разрешите ли?»

Человек протянул мне газету. Я пробежал глазами мелкие объявления. Одно из них вселило в меня надежду. Требовались рабочие: мужчины и женщины любого возраста. Я тотчас вернул газету. Мне не следовало терять времени. Собравшись с силами, я затрусил по адресу, указанному в объявлении. Это был пятый этаж огромного дома в большом деловом квартале города. Я пролетел мимо лифта, опасаясь, что опоздаю, и там все подевят, расхватают без меня. Поднявшись на пятый этаж, я опустил на ступеньку. Вот эта дверь номера 18-го, где мне должны были дать работу. В дверь входили и выходили люди. Входили с надеждой, выходили злые и мрачные.

Для того чтобы хорошо выглядеть перед хозяевами, я как следует отдохнул, затем открыл дверь и спросил у первого встречного:

— Я... вот видел в газете объявление...

Человек, похожий на швейцара, махнул рукой и сказал:

— Пройди внутрь и жди!

Комната, куда я вошел, была забита стульями и креслами. Шесть женщин и восемь мужчин. Да еще стоят со мною вместе пять человек. Подходя к какому-то бедолаге не лучше меня, я спросил:

— А что за работа?

— Не знаю, — ответил он, — приглашают по одному... Кто десять минут, а кто и полчаса там сидит. А потом все с руганью выскакивают.

В самом деле, хлопнула дверь, и в комнату, где находились мы, ожидающие, выскочил толстый мужчина, покрытый потом, красный, как помидор. Он кричал на ходу:

— Бессовестные! Подлецы! Негодяи!

— Видно, на работу не приняли, вот он и разозлился, — заметил я.

— Наверное, — отозвался человек, стоявший рядом. — Все зот так, с криком, уходят оттуда.

— Кто следующий? — спросил швейцар.

— Я, — проговорила вся раскрашенная, увешанная побрякушками молодая женщина и прошла в кабинет.

Я спросил у одного из ожидавших, что же делают там, за этой дверью.

— Думаю, что устраивают экзамен, — ответил он.

Я начал перебирать в памяти все, что когда-то учил в школе. Исходя из того, что это была торговая контора, надо было ждать экзамена по математике. Я повторил про себя таблицу умножения. Потом начал думать о том, как подсчитывается скидка, проценты. В это время изнутри послышались женские крики и стоны. С шумом распахнулась дверь, из нее вылетела темно-багровая дама, вопившая: «Безобразники, бессовестные!» А из открытой двери вслед ей донесся грубый, многоголосьный, спокойный мужской смех.

— Интересно, они ей что-то сделали? — спросил я.

— Неее... Ей-богу, не надо, сначала вы сами по-жалуйте.

Привратник подтолкнул меня в спину. Дверь за-хлопнулась. Я взмолился про себя, взывая к мило-сти аллаха: «О всевышний, не введи меня в грех! Пошли мне силу! Экзамен ли, проверка ли — помо-ги мне преодолеть это и получить хоть какую-ни-будь работу...» В глазах у меня мутилось — может быть, от страха, а может быть, от голода. Комната, где я находился, была похожа на огромную канце-лярию. Все, кто был в ней, раскатисто смеялись и вытирали платками выступившие от смеха слезы. Я не сосчитал, но, видимо, тут было около десяти человек. Они все еще хохотали над тем, кто побы-вал здесь раньше меня. Хохотали и вытирали слезы. Все они были толстые, с брюшком, с двойными подбородками, и потому им очень шло смеяться. Я приблизился к человеку, который сидел за гро-мадным столом, покрытым куском стекла.

— Любишь ли ты шутки? — спросил меня этот человек.

Какой же ответ я должен был дать, чтобы получить работу?.. Я оглядел каждого из сидящих. Среди них не было ни одного похожего на меня. Все они были хорошо одеты, жирные, откормлен-ные, кровь с молоком. Я подумал, что эти люди, во всяком случае, любят шутки, и с вымученной улыбкой ответил:

— Конечно, я люблю шутки, даже, можно ска-зать, очень люблю. Да разве есть на свете люди, которые не любят шуток?

— Значит, очень любишь шутки... — проговорил толстяк. — Садись-ка вот в это кресло.

Я едва держался на ногах, но, соблюдая при-личия, сказал:

— Я постою, эфендим¹.

— Нет, не пойдет. Ты же любишь шутки. Са-дись!

Я не видел никакой связи между шуткой и си-дением в кресле, однако не стал больше возра-жать, поблагодарил и сел.

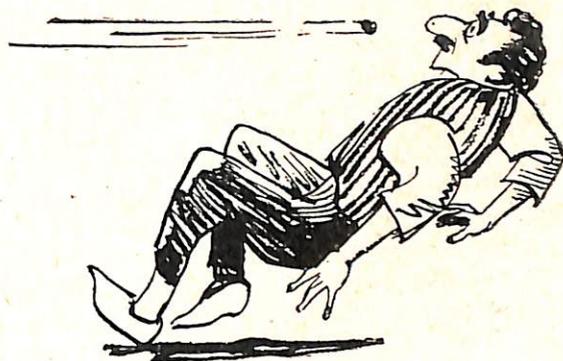
— Нее... Нет, не сюда, садись в это кресло.

Я пересел.

— Все, кого ты здесь видишь, все мы большие шутники, — сказал мне сидевший за столом.

— Очень хорошо, эфендим, я тоже до безумия люблю шутки.

Человек повел разговор о том, о сем. На вопро-сы, которые он изредка мне предлагал, я давал короткие, сдержанные ответы. Между тем со мной происходило что-то странное. Начало, извините, припекать то место, на котором я сидел. Совер-шенно невозможная вещь! Постепенно становилось все горячее... Уже не просто горячо — жгло ог-нем!.. Я буквально поджаривался, словно каштан,

¹ Эфендим (турецк.) — мой господин.

— Не думаю, — ответил сосед. — Если бы что-то сделали, она бы не орала. Наверное, спросили что-нибудь трудное.

— Да, — согласился другой из ожидавших, молодой человек, — наверное не осилила.

— Мужчины тоже кричат, — вмешался другой сосед.

— Чья очередь? — вновь возгласил швейцар. На этот раз в кабинет пошел молодой человек, тот самый, который считал, что недавно выскочившая женщина «не осилила». Пока я снова перебирал в уме сложные проценты, только что вошедший молодой человек с надрывным воплем: «Что это за работа!» — вылетел наружу.

— Этот молодец оказался слабее женщины, — проговорил мой сосед.

После меня очередь заняли еще человек пять. Дело пошло быстрее. Те, чей черед наступил, входили внутрь и через пять-десять минут выскакивали к нам, побагровевшие от злости, потные, с криками и бранью. Я вцепился в швейцара, который было исчез, после того как пригласил очередного кандидата, и спросил:

— Что делают там с людьми?

— Испытывают, — ответил он с усмешкой и удалился.

И пожилая женщина и мужчина в годах, по-подобно всем другим, словно спасая свои души, вылетели из двери и пронеслись мимо с криком и стонами. А изнутри слышался смех.

Всякий раз, когда кто-то убегал таким вот образом, я, с одной стороны, радовался: это значило, что их не приняли на работу, увеличивалась вероятность того, что работу получу я. Однако, с другой стороны, было страшно. Что за экзамен устраивали там, что все эти люди спасались бегством и бранились? Не голодай я целых два дня, я бы плюнул на эту работу, на все эти испытания и экзамены и ушел бы. Однако в надежде, что меня, может быть, все-таки примут, я продолжал ждать, хотя порядком трусил. Старичок, стоявший впереди меня, бледный, как полотно, вышел из двери. У него не осталось сил для того, чтобы браниться подобно другим.

— Да что там делают, папаша? — подскочил я к нему.

— Уволь, не спрашивай, иди посмотри сам, — еле вымолвил он.

В это время привратник осведомился, чья очередь. Я не издал ни звука. Человек, стоявший за мною, сказал: «Очередь ваша».

— Пожалуйста вы, я не спешу, — ответил я.

— Нет, ни за что я не пойду в чужую очередь, — возразил он. (Вот скотина! Будь это в трамвае или в автобусе, стал бы он ждать, как же! Отшвырнул бы меня плечом...)

— Прошу вас, пожалуйста.

брошенный на раскаленную сковородку. Аллах, аллах!.. Может быть, я заболел? Может, у меня поднялась температура? Но в таких случаях, насколько мне известно, горит голова, а не зад. Я начал ерзать в кресле — не помогало. Так я корчился, а они смотрели на меня и смеялись. Что ж, ведь они шутники, а вид мой был не из тех, над которым нельзя посмеяться. Душа у меня пылала, но, глядя на них, я тоже пытался улыбнуться, хотя мне казалось — вот-вот вспыхну.

— Что случилось, ты нездоров? — спросил толстяк.

Если скажу, что болен, чего доброго, на работу не возьмут...

— Нет, я здоров, здоров, как бык, — отвечал я.

— А что же ты так извиваешься?..

Все находившиеся в комнате лопались от хохота.

— Извините, — проговорил я, чтобы как-то вернуться, — у меня чирей. Я, с вашего позволения, постою — не могу сидеть.

Все они уже готовы были покатиться по полу со смеху. Я же весь покрылся испариной. Вытерев пот со лба, я поднялся на ноги. Внутри меня все кричало: «Ну чего вы хохочете?!» — но ведь они шутники, а вдруг не возьмут на работу...

Человек, сидевший за столом, позвонил и сказал вошедшему привратнику:

— Принеси чай господину.

Этому я обрадовался. Значит, я им понравился. От голода у меня урчало в животе. Если выпить горячего чаю, будет легче. Привратник принес чай. Я взял стаканчик в руки, опустил в него два кусочка пиленого сахара, и вдруг содержимое стакана с шумом и с пеной выметнулось вверх. Стакан выскользнул из моих рук. Я весь, с головы до ног, был в пене, руки обварены горячим чаем. Черт знает, до чего неловко! Все они прямо покатались со смеху. Действительно, надо мной нельзя было не смеяться.

Один из присутствовавших, сдерживая смех, проговорил:

— Открой дверь напротив, на столе должна быть папка, принеси ее.

Я открыл дверь, на которую указал этот человек, — никакой папки не было.

— Оказывается, она у меня, — сказал человек, продолжая смеяться.

Когда я возвратился, он крикнул:

— погоди, ты же оставил открытой дверь, закрой сейчас же!

Я закрыл дверь. Теперь вопросы мне задавал другой. Однако я совсем не мог отвечать ему. На меня напало какое-то чихание. И правда, что беда одна не приходит.

— Как вас зовут?

— Меня... ап, ап, ап, апчхии! Ме... мем... мех... ап, ап, ап, апчхии! Меня зовут Ахмед... Чхи!

— Сколько вам лет?

— Со... со... со... апчхии!.. Сорок один. Апчхии!..

Они задыхались от смеха. Наконец один из них сказал:

— Вон там, напротив, умывальник. Иди вымой физиономию.

После того как я умылся, мне стало лучше, чихать я перестал, зато заслезилась глаза... Да не просто заслезилась, нет, я плакал горько, навзрыд. Это было что-то невероятное, я ничего не понимал... Может быть, все это с голоду, не знаю... Этим людям я, наверное, кажусь каким-то шутком. Разве примут на работу такого нелепого человека, который то чихает, то режет?

— Почему вы плачете?

— Кто, я? Не знаю... Моя покойная мать...

Как они смеялись, как они ржали! А я и в самом деле ревел навзрыд. Кто-то из них достал из шкафа флакон одеколлона и сказал:

— Понюхайте немножко, вам станет лучше.

Я глубоко вдохнул запах одеколлона, налитого в ладонь. Видимо, это был специальный одеколлон, для успокоения нервов. Ооох! Мне стало легче. Но со мной сегодня действительно что-то случилось. На этот раз на меня напала икота. Ииик, иик... Люди-то ведь меня сумасшедшим назовут!.. Плачет, чихает, потом икать начал. Не знаю, почему они еще меня не прогнали...

— Чем вы занимались раньше?

Я не в силах был сказать что-либо в ответ...

— Раньше... иик!.. Ра... иик!.. Чистил бо... иик!..

— Помилуй, хватит, замолчи! — кричали мне. Они хохотали как помешанные.

— Не откроете ли вы этот шкаф?

Едва я открыл дверцу шкафа, раздался выстрел, словно из пушки. Уух! Я со страху полетел на пол. Уж если не повезет — так не повезет. Хуже не бывает. Теперь-то меня не возьмут ни на какую работу. Да уж бог с ней, с работой! Людей вот погублю этим смехом...

Самый толстый из присутствующих в комнате сдул со стола пыль. Через некоторое время он спросил меня, давась от смеха:

— Чего ты чешешься?

— Ей-богу, я чистый, вчера вымылся, но не знаю, почему-то меня зуд охватил.

Сказать, что это блоха? Нет. Блоха в одном месте кусает, а у меня чешется все...

Самый пожилой спросил:

— Какое у тебя образование?

— Я закончил литературный факультет.

Он повернулся ко мне одним ухом:

— Громче говори, я плохо слышу.

В ухе у него торчал слуховой аппарат. Энергично почесываясь, я закричал:

— Литературный факультет...

— Что?

Я наклонился прямо к уху и едва прокричал: «Литературный факультет!» — как из слухового аппарата, что торчал в его ухе, прямо в лицо мне брызнула струя воды. Я опять не в силах был понять, что происходит. Я свалился там, где стоял. Здесь была не контора, а логово злых духов. От голода кружилась голова...

Я не один валялся на полу. Они тоже катались рядом от хохота. Какое-то время они бились, корчились на полу, словно в припадке эпилепсии. Потом постепенно пришли в себя, поднялись. Они уже не смеялись. Каждый из них превратился в делового человека. От шуток не осталось и следа.

— Молодец, — сказал один из них, — ты здорово выдержал все. Мы уже пропустили, наверное, человек сорок, и ни один из них не продержался до конца. Были и такие, что бежали сразу же после первого опыта.

— Я ничего не понял, бей-эфенди, что я выдержал?

— В Америке есть фабрика, которая производит шуточные товары. Эта фабрика предложила нам вести с ней дела. Прислала кое-что из своей продукции.

— Да...

— Некоторые из этих шуток, случается, бывают тяжеловесными, опасными. Поэтому мы решили сначала их испытать.

Затем они начали беседовать между собой.

— Говорят, в Америке десять тысяч магазинов торгуют этими товарами.

— Да, да... И будто бы в год на 20 миллионов долларов товара вывозят.

— Фабрика предлагает нам товары пятидесяти наименований.

— Нужно заказать их. На этом деле можно хорошо заработать. Потому что наши люди — еще большие шутники, чем американцы. У нас любят шутку.

Самый пожилой и жирный из них сказал другому — очевидно, секретарю:

— Запиши: две тысячи пластин, подогревающих сиденье стула; десять тысяч коробок чесоточного порошка; пятьсот ящиков одеколона, вызывающего икоту; пять тысяч дюжин слуховых аппаратов, стреляющих водой; двадцать тысяч бутылок слезоточивой жидкости; пять тонн бешеного сахара; тридцать тысяч коробок взрывающихся капсулей... Напиши, пусть немедленно высылают все.

Судя по тому, что я им понравился, они, должно быть, приняли меня на работу. Но, по правде говоря, я не уразумел, каковы же мои обязанности. А они, беседуя между собой, совсем обо мне за-

Вечеринка

АБДЕЛЬХАМИД БЕНЖИН

Алжир

ЕДИНСТВЕННЫЙ сын, даже в семье очень бедной, — счастливый ребенок. Этого, увы, не скажешь о старших сыновьях в многодетных семьях. Не успев подрасти, они превращаются в нянек. Им приходится ублажать младших братцев, осушать им носы и подтирать зады.

Во всяком случае так обстояло дело в нашем дуаре. Мы, старшие сыновья в крестьянских семьях, уже к десяти годам получали искривление позвоночника, все время таская на спине своих маленьких братьев. А те, не знаю почему, орали ровно 24 часа в сутки — видимо, это доставляло им громадное удовольствие. (Было бы любопытно изучить вопрос о преждевременном и быстром развитии гортаней наших младенцев в противоположность их умственным способностям, которые в основном стоят на нуле.)

Напрасно мы исподтишка то и дело щипали своих питомцев. Сплошь исщипанные до синяков, они все никак не понимали, что им следует помолчать, и орали не переставая.

Единственное, что мы могли сделать, — это неверными шагамч, точно слепые или паралитики, тащиться со своей тяжелой ношей подальше от материнских ушей. Ведь обычно мать, заслышав крики малыша, начинала кричать еще громче. Этот бессердечный балбес, этот садист, наверное, хочет уморить невинного маленького братца. Она брала «бедную жертву» на руки, укачивала ее, успокаивала, целовала, выкрикивая время от времени проклятия по адресу «жестокосердного палача» — старшего брата, и, надо сказать, в большинстве случаев это были вполне заслуженные упреки.

Но ведь и он был ребенок, этот старший брат, ребенок, который имел несчастье оказаться старшим среди полудюжины волчат. Сколько же надо терпения, чтобы целыми днями развлекать этих милых ангелочков, не смея думать о собственных удовольствиях! Надо помогать матери, измученной всякими домашними хлопотами, а когда немного подрастешь, придется помогать в работе такому же измученному отцу.

(Окончание см. на стр. 48)